

Не будите Гаурдака
Рыжий, хмурый и
влюбленный

2

Светлана Багдерина

Не будите Гаурдака

Светлана Багдерина

Рыжий, хмурый и влюбленный

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Багдерина С.

Рыжий, хмурый и влюбленный / С. Багдерина —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Не будите
Гаурдака)

Прибыв в Отрягию за вторым Наследником, конунгом, антигаурдаковская коалиция узнает, что он умирает, а правление страной готовится принять его сын, Олаф. Правда, выясняется, что его дядя, верховный жрец, собирается отправить племянника не на битву с Гаурдаком, а к богам, и дружины отца уже наточила топоры и мечи, чтобы проводить его в последний путь как героя. Но лучше мертвого героя может быть только герой живой — и Адалет, Серафима и Иван на Масдае доставляют Олафа в обитель богов, чтобы найти пропавшее сокровище Рагнарока. Что пропадет и что найдется там помимо него, они даже не представляли — особенно юный конунг...

© Багдерина С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Светлана Багдерина

Рыжий, хмурый и влюбленный

На северный берег Лесогорья и одновременно на южный берег Ледяного моря¹ экспедиционный корпус по нейтрализации Гаурдака прибыл ближе к вечеру, когда бледное северное солнце, натужно перевалив зенит, с явным облегчением сползло к полупрозрачному лесу, покрывающему берег.

С востока надвигалась гроза. Порывистый холодный ветер слепил, трепал волосы, хватал за шапки и пытался скинуть багаж путников на берег, покрытый серой крупнокалиберной галькой. Пенные гребни зеленоватых волн метались по поверхности моря, словно ища убежища от приближающейся бури. Чайки с заполошными резкими криками метались над волнами, будто хотели успеть доделать в последние минуты что-то очень важное, но забыли, что именно. И только гордый буревестник, черной молнии подобный, весело выкрикивал: «Клюв даю – буря будет! Вот шандарахнет-то всех! Мало не покажется! Так им, так им, так им!»…

Масдай завис в нескольких метрах от кипящей полосы прибоя и угрюмо поинтересовался, указывая кистями в сторону придавившей горизонт обширной лиловой тучи:

– Ну как? Вы всё еще намереваетесь лететь? Если да – то счастливого вам пути. Потому что я остаюсь здесь.

Пассажиры, недовольно поджав губы и подперев щеки, принялись сверлить взорами надвигающийся шторм, словно хотели его загипнотизировать и усыпить или, как минимум, развернуть в противоположном направлении.

– Я с тобой, – первой отвела взгляд, вздохнула и сдалась Серафима. – И, поскольку нас большинство, то остальным придется подчиниться.

– Это почему вас большинство? – для проформы возмутился маг-хранитель, для которого идея полета над морем тоже с каждой секундой утрачивала привлекательность всё больше и больше.

– По площади, – резонно сообщила царевна и потянулась в мешок за картой. – Где-то недалеко, к западу, должен быть Синь-город. Там мы сможем переночевать, а утром найдем какую-нибудь посудину и прокатимся на ней… прокатимся на ней… Короче, прокатимся на ней докуда-нибудь. А там пересядем на другую. Еще докуда-нибудь. Будем добираться до Отрягии на перекладных.

– Ваши купцы тоже с отрягами не торгуют? – полюбопытствовал Иванушка.

– Купцы, может, и торговали бы, – пожала плечами Серафима. – Купцы – они и в Узамбаре купцы, ты же знаешь. Только отряги не видят смысла платить деньги за то, что можно забрать даром.

С этими словами она расстелила на спине Масдая сложенный вчетверо кусок пергамента, придавив один его край своей коленкой, другой – коленкой супруга, и уверено ткнула пальцем в какую-то точку.

– Синь-город.

Потом палец покрутился над извилистой береговой чернильной линией и уперся в одну из загогулин-бухт.

– Мы где-то здесь. До города должно быть… часа четыре лету по прямой. Так что, ковер, курс на запад!

– Уговорили, – удовлетворенно хмыкнул Масдай и, не мешкая, выполнил наказ.

¹ Диалектический парадокс, как авторитетно разъяснил Адалет.

Пассажиры закутались поплотнее в изукрашенные разноцветными клочками и полосками всевозможного меха кожушки, купленные накануне у встречных сесланских купцов, уселись поудобнее,² и приготовились ждать.

Сначала они приняли почерневшие макушки деревьев за следы пребывания какого-то прожорливого вредителя.

Потом увидели деревню.

Вернее, то, что от нее осталось.

Выжженная земля, обгорелые заборы, обугленные остовы изб, тоскливо вздывающие закопченные печные трубы к равнодушно закрывающемуся тучами небу, обрывки сетей на втоптанных в землю сломанных кольях, изрубленные в щепу рыбацкие лодки...

Лицо Сеньки потемнело, посрамляя приближающуюся грозу.

Она быстро сверилась с картой.

– Метляки.

Адалет раскинул руки, неразборчиво пробормотал несколько коротких слогов и склонил голову, будто напряжено вслушиваясь в одному ему ведомые голоса.

– Неделю назад... – наконец, начал говорить он, словно пересказывая поведанную ему кем-то историю. – Пришло много людей с оружием... С моря... Два корабля... Большая часть жителей убежала... на запад...

– В Синь-город. Под защиту стен, – угрюмо проговорила царевна.

– А меньшая куда? – не подумавши, уточнил Иванушка, затем сообразил вдруг, что сказал, и вспыхнул алым. – Кхм... Я... хотел сказать... Извини, Сень... Мне очень жаль...

Серафима ничего не ответила, лишь отвернулась и, играя желваками, хлопнула ковер по пыльной спине, давая знак трогаться в путь.

– С тех пор, как лукоморский флот разгромил отрягов десять лет назад под Ключ-городом, они к нам больше не суются, – оправдываясь без вины, говорил царевич, обращаясь к жене, застывшей подобно натянутой тетиве. – А раньше и на нашем берегу то же самое творилось... И не только на деревни нападали – на города тоже... по рекам поднимались... У их карраков осадка маленькая... Кораблей по десять-двадцать-тридцать налетали... Всего один раз удалось их так подловить, всей массой. Их тогда больше полусотни в Гусиной бухте собрались – планировали набег на Трамонтанск во время ярмарки. Ни один не ушел.

– Повезло вашим, – еле слышно вздохнула царевна и снова замолчала – до конца пути.

Самый большой населенный пункт приморской полосы Лесогорья был укреплен на славу. Высокий вал, налитый свежей водой ров, крепкие стены из прочного синего камня и частые сторожевые башни не давали нежданному противнику приблизиться к Синь-городу незамеченным ни утром, ни днем, ни вечером.³

Но самая высокая сторожевая вышка – ничто сама по себе без глазастого и рьяного дружинника на ней.

И еще двух – чтобы глазастому и рьяному было не скучно.

Однако, несмотря на все предосторожности предусмотрительного командования, двое компаний – начальник караула и его заместитель – увлеклись одной древней высокointеллектуальной игрой, и глазастый начинал скучать.

Звали его Егором. Записался он добровольцем в дружину всего месяц назад. Красноречивые рекрутеры обещали ему службу на благо родной страны, полную приключений и опасностей, походы, сражения и долю в добытых в боях трофеях.

² Вместо одной затекшей и почти сведенной судорогой ноги поджали под себя другую, тоже затекшую и сведенную, но в иных местах.

³ Ночь – разговор отдельный, но все горожане соглашались, что три из четырех – не такой уж и плохой результат.

Но вместо этого всё, что пока молодой ратник видел со сторожевых вышек – это обыденные и совсем неинтересные леса, поля, море и облака и – один раз – жалованье. Немалое, конечно, но вполне прозаичное и законное. И даже набег на Метляки случился, пока он был на часах на противоположной стене – ни заметить первым, ни мчаться на подмогу, навстречу обещанным приключениям и опасностям, ему не пришлось.

Нет в жизни справедливости.

Расстроенный парнишка вздохнул и снова принял обводить внимательным взглядом лес и небо, отданые ему под надзор в сегодняшнем карауле. Охраняемые объекты старательно обдувались сердитым ветром – вестником надвигающейся бури, но ущерба это им не наносило, и оставались они, какими и были – мирными и пустыми.

Только точка темная над елками на горизонте маячит.

Одинокий перст самого зоркого и усердного ратника на восточной вышке ткнул в черное пятнышко на сумеречном горизонте, выписывающее замысловатую траекторию в борьбе со штормом.

– Гляди-кось, дядька Игнат, во дура-птица!

– Где, Егорка? – ветеран неохотно оторвался от домино на полу и поднял голову на молодого солдатика, приподнявшегося на цыпочки и вытянувшего шею.

– Да вон, вон, над лесом же!..

– Так это ворона, поди… грозу проворонила… на гнездо торопится, – степенно предположил Игнат, не вставая с нагретых теплом души досок, и выложил в цепочку черных костяшек на полу «дубль-пусто». Товарищ его по оружию ответил азартно неожиданной «пусто-шесть» и выглянул мельком за край ограждения.

– Не-е… больше вороны, Игнат… Поморник.

– Над лесом-то, Митяй? – удивился Игнат и закрыл дорогу доминошкам противника другим дублем.

– Удуло… – предположил Митяй, хмуро оценил не в его пользу складывающуюся оперативную обстановку на полу, покосился на свои сапоги, прилегшие отдохнуть в дальнем углу в компании с кафтаном, шапкой и кольчугой, и недовольно взял костяшку из «склада».

Потом другую, третью…

– Чёй-то, кажется, велика она для поморника, – не унимался глазастый юный рекрут, равнодушный к очарованию и интриге популярной среди ветеранов игры.

– Мабуть, скопа? – предположил Игнат, довольно поглаживая весь набор шестерок в своей ладони.

– Мабуть и скопа, – сердито пожал озябшими плечами Митяй и потянулся за шестой костяшкой.

– А я скопу никогда не видал, – пожаловался закоренелый горожанин Егорка.

– А чё ее видать, Егорша… орел как орел, только рыбу жучит вместо зайцев, – сгреб оставшуюся доминошку Митяй и с облегчением поставил «три-четыре» на другой конец черной с точками неровной змейки.

– А крыльями она машет? – разошелся, охваченный исследовательским пылом, юный натуралист.

– Ну когда парит, то нет… А когда так, то само знамо…

– А-а-а… Понятно. А голов у нее сколько?

– Чего?..

– Голов, говорю! Ну, бошек, то бишь?.. Черепушек?..

– Одна голова… Ты чего, малый, мухоморов объелся? – снисходительно усмехнулся Митяй, нежно укладывая к поставленной ранее «четверке» такой же дубль и умильно поглядывая на утепленный кафтан, готовый вот-вот вернуться к хозяину. – Сколько, по-твоему, у скопы должно быть голов?

- Три...
- Чо-о?!
- Три головы у этой, говорю!
- Где??!
- Вона!
- Ах, чтоб тебя!!!..
- Горыныч!!!..
- Воздушная тревога!!!
- Где, где, где, где?!..

Митяй кинулся к сундуку в противоположном углу, распахнул крышку с гербом, окованную полосами позеленевшей меди, выхватил потертый, растрепанный «Устав караульной службы дружины» и лихорадочно залистал – только страницы по ветру полетели. Угрозы с моря – пожалуйста, в месяц по десятку иной раз, с земли – тоже не в новинку, но с воздуха...

– Вот!!! – через несколько секунд титанических усилий радостно воскликнул он и ткнул отысканную картинку под нос Игнату. – «Воздушная тревога» – три коротких, три длинных, три коротких!!!

Суматошный перезвон сигнального колокола разорвал спокойствие города, отдыхающего после трудового дня. Ратники бросились к оружью, сигнальщики – к колоколам, горожане – к ведрам, воде и баграм, воевода – к сердечным каплям...

Так весело и радостно встретила столица приморского края Лесогорья свою наследную царевну и ее спутников.

Уворачиваясь от стрел скорее по чистой удаче, нежели из летного искусства, швыряемый из стороны в сторону штормовым ветром, как злосчастные остатки «Устава караульной службы»,⁴ вздрагивая от каждой дождевой капли, ударяющей его пропыленную спину, Масдай спикировал в чей-то огороженный кованой чугунной решеткой сад в центре города и обессиленно приземлился у единственного сухого места в радиусе нескольких десятков километров – у фонтана.

– Конечная, – прохрипел он и устало замер.

Пассажиры, все еще с трудом веря во встречу с матерью-землей, с трудом приподняли головы и попытались разжать пальцы, судорожно стиснутые на переднем краю своего транспортного средства.

И тут из дверей примыкающего дома, из-за забора, с крыши соседнего терема в личный сад купца первой гильдии Еремея Иванова посыпались вооруженные луками и арбалетами дружины и заключили в неровное, но плотное и чрезвычайно колючее кольцо непрошеных гостей.

– Хендеух! – донеслось до них грозное интернациональное слово.

Сразу после этого, на случай трудностей при переводе, о край фонтана звякнула короткая арбалетная стрела.

Адалет сердито схватился за посох, Иван – очень неохотно – за меч, а Сенька – в утилитарных целях – за Ивана.

– Ат-ставить стрельбу! – использовав суженого как точку опоры, царевна одним прыжком приняла вертикальное положение и величаво махнула рукой, выпуская на глазах увеличивающуюся группу своего захвата. – Вольно! Благодарю за службу! Все свободны, приходите завтра. Эй, десятник, да, ты, с развесистыми усами. Фомича-воеводу сюда тащите. Скажите, Серафима Лесогорская с супругом и магом-хранителем осчастливила его неофициальным рабочим

⁴ Не забывая при этом поминать добрым тихим словом длинно, замысловато и изобретательно всех двуногих нелетающих, которые полагают, что буря для ковра-самолета – самая летная погода.

визитом. И если он не желает окончить свои дни зеленым и в кувшине с молоком, то пусть поторопится.

Ратники, недопонимая развернувшееся внезапно на сто восемьдесят градусов положение, переглянулись, обвели настороженными взглядами прибывших с такой помпой визитеров и нерешительно опустили свое разнокалиберное вооружение, направленное в головы предполагаемого противника.

Но не совсем.

– А чем докажешь, ваше э-э-э... девица? – выделенный из толпы десятник нервно подергал на кольчуге выдавшую его бляху и неуверенно сделал полшага вперед. – А может, вы шпиёны отряжские? Али еще какой иноземной державы? Вон как не по-нашеники вырядились-то! И физии у вас какие-то... не лесогорские. Документы у вас... у тебя... ес...

Не договорив, под огненным взором царевны бдительный служака прикусил язык и как бы невзначай попятился под защиту товарищей по оружию. Оказавшись за их спинами, он почувствовал себя немного увереннее.

– Я гуторю, дукаменты, там, достоверения, аусвайсы, или мандаты, прости Господи...

– Грамоты верительные, – подсказали ему из народа, и десятник благодарно и с облегчением кивнул.

– Вот я и гуторю – доверительные... грамоты... то есть... Есть? У вас?

Сенька на мгновение замерла, соображая, сойдет ли за доверительную грамоту честное слово ее супруга, или оно, по какой-то загадочной причине, еще не везде котируется как международная мера и эталон честности и, в данном случае, верительности.

В это время из-за спин стрелков высунулась непокрытая коротко стриженая голова и твердо заявила:

– А я мню, что магов-хранителей не бывает. Сказки всё это. Для детишек.

– Вроде спящей красавицы! – хохотнули слева.

– Или кота в сапогах, – хихикнули справа.

– А Иван-царевич – так он вообще двух с половиной метров росту, – ободренная поддержкой, с апломбом продолжила стриженая голова. – Это всем ведомо. А кулаки у него – с гирю пудовую! И в плечах он – во-о-от такой!..

И дружинник растопырил руки, будто намеревался обнять всех присутствующих сразу.

– Точно! – закивали ратники.

– А силищи у него – ведмедя одним ударом завалить может!

– Истинная правда! – с энтузиазмом подхватила позабывшая про свое оружие опергруппа.

Сенька помимо воли ухмыльнулась.

Иванушка покраснел.

– А Серафима-царевна-то наша – красавица из раскрасавиц! – с жаром продолжил синьгородский эксперт по Лукоморской и Лесогорской царской фамилии. – Да сама Елена Прекрасная по сравнению с ней – прачка! Гуторят, глаза у этой царевны – во!.. Косы – во!.. Грудь... – совсем разошелся было стриженый, но тут перехватил взгляд раскрасавицы из красавиц и подавился невысказанным описанием.

– Н-ну... м-может, и в-врут л-люди... п-про г... г... г-глаза-то... п-пустое б-болтают... н-наговаривают... н-напраслину... – сконфужено пробормотала голова и незаметно скрылась из виду.

Больше желающих сообщить свое мнение не было.

Ситуация зашла в тупик, уперлась лицом в стенку и застыла в недоумении.

Луки и арбалеты понемногу начали занимать исходное положение.

— Сказка… подсказка… Сейчас я им покажу спящего красавца… — зыркая обиженно из-под кустистых бровей на подозрительно озирающих его ратников, пробурчал Адалет и величественно, словно ожидая аплодисментов, поднял вверх засиявший алым посох.

У ног его мгновенно вонзилось с десяток стрел.

— Не балуй, дед, — сурово предупредил другой друдинник с бляхой десятника и строго постучал пальцем по прикладу направленного прямой наводкой арбалета. — Не на пугливых напал.

— Я еще ни на кого не нападал, — многообещающе усмехнулся стариk, угрожающее прищурился и положил на посох вторую руку.

Две превентивные стрелы пробили его шляпу.

Над головами чересчур бдительных⁵ стрелков грохнул гром, сверкнула молния, и казенные стальные островерхие шлемы плавно превратились в огромных склизких медуз.

— Ай!..

— Ой!..

— Эй!..

В мгновение ока луки и арбалеты были вскинуты, при такой скученности служилого люда угрожая, скорее, самим стрелкам, стоящим напротив, нежели их мишеням в центре круга…

Зловещий грохот нежданного грома расколол над их головами вечернее небо, ощетинившееся смертоносными молниями на взводе…

Иванушка с терзанием на лице застыл, не зная, кого первого уговаривать не принимать необратимых решений…

И тут Сеньку осенило.

— Стойте!!!

Она нетерпеливо махнула рукой Адалету: «выключи гром» и, презрев полсотни стрел, готовых сорваться с тетив и встревоженный шепот супруга, уверенно подошла к требовательному арбалетчику.

Недрогнувшей рукой направила она в землю готовое к бою оружие и весело заглянула ему в глаза.

— Жалованье тебе исправно платят, десятник?

— Не жалуюсь, — осторожно ответил тот.

— Тогда у тебя должны деньжата водиться.

— Вечером взаймы не даю! — сразу позабыл про защиту родины и перешел к защите кошелька он.

— Взаймы я тебе сама дам, — снисходительно фыркнула Серафима и повернулась к солдатам, в упор не замечая наведенных на нее стрел. — Рубль у кого-нибудь юбилейный имеется?

Нужная монета нашлась у долговязого молодого лучника за ее спиной.

— Иди сюда, ратник, — кивнула она ему, величественно повернулась профилем и вздернула подбородок вверх. — Смотри на деньги и сравнивай: похожа?

— Так в глазах всё мелькает… ваше… в-выс… д-дев… б-барышня…

Адалет ударил в клумбу посохом, и всё небесное электричество незамедлительно и послушно собралось в пушистый комок мягкого теплого света и зависло над фонтаном. Сад осветился в одно мгновение.

— Ну, теперь видно?

Долговязый подошел поближе, перевел настороженный взгляд с профиля на серебряном кругляше на оригинал, потом еще раз, и еще… и потрясенно оглянулся на товарищей по оружию и развел руками.

— Истинный свет, похожа, мужики!!!..

⁵ Или чересчур нервных.

Через полчаса у них была сухая одежда, сытный ужин, мягкая постель, мята от моли и теплая печка.⁶ Через день они получили полностью снаряженную ладью, сошедшую с Синьгородских стапелей лишь накануне, но уже готовую отплыть хоть к водяному на куличи, хоть прямиком в Отрягию по первому требованию.

— М-да... Всё-таки быть царевной не так уж и плохо, — философски признала Серафима, лениво опираясь на фальшборт, еще источающий чудный аромат хвойной смолы. Иванушка стоял рядом, обнимая супружницу одной рукой, а в другой держа раскрытое на начале подарочное издание «Нравов и обычаев народов севера Лесогорья» — подарок лично от воеводы Николая Фомича.

Сенька перевела взгляд с медленно удаляющегося города цвета индиго, окутанного как вуалью васильковой утренней дымкой, на Адалета, сосредоточено вычисляющего что-то в новом толстом блокноте новым толстым карандашом, и продолжила, усмехаясь собственной мысли:

— Забавно почувствовать себя в роли золотой рыбки: «Будет тебе, маг-хранитель, новое корыто»...

Ближе к вечеру выданная путешественникам ладья под бдительным названием «Стегнувшая» резко изменила курс.

Пассажиры, скрываясь от вездесущего ледяного ветра, сгрудились в теплую кучку под промасленной мешковиной, натянутой палаткой у мачты. Сенька грызла черный сухарь. Иванушка читал. Масдай дремал, посапывая. Адалет, стиснув зубы и посох, страдал от морской болезни, а заодно и от хруста сухаря, шелеста страниц, случайных всхрапов, скрипа весел в уключинах, плеска волн и всего, что расстроенные его пять чувств до тошноты дотошно доносчили разнервничавшейся нервной системе волшебника. К концу дня бедный адепт магических искусств окончательно потерял надежду оказаться на твердом клочке земли не только при жизни, но и после своей бесславной кончины среди враждебной пожилым сухопутным чародеям морской стихии. Ссугнувшись, он сидел под тентом с закрытыми очами, прижавшись спиной к мачте, и тихонько стонал в такт поигрывающим ладьей волнам.

— А я думала, у волшебников есть средства на все случаи жизни, — сочувственно косясь на расклеившегося мага-хранителя, шепнула супругу царевна.

Адалет перестал стонать и повернул в сторону смущенно закашлявшейся Сеньки голову, не открывая глаз.

— С-с-с-с... Ага, точно... С-серафима... Это всё равно, что заявить... будто любой ремесленник... умеет и подковать кобылу... и сшить сарафан... и алмаз отшлифовать... Профанация! Каждый великий чародей... — Адалет неуловимым изменением тона дал недвусмысленно понять, кого конкретно он имеет в виду, — специализируется в областях магии... наиболее близких ему... по духу... и работает в этом направлении... всю жизнь. Есть лекари... есть исследователи... есть строители воздушных замков... заводчики коньков-горбунков... ладшафтные дизайнеры прудов для лягушек-царевен... есть производители утилитарных артефактов... самонакрывающихся столов с подогревом... сапог с антигравитационными набойками... печей с паровым двигателем... прочей ерунды...

Волшебник замолк. Но чутье подсказывало царевне, что это была театральная пауза, требующая от слушателей вполне определенного заполнения.

— А ты кто? — уважила она оккультиста, страждущего тверди земной и земных же почестей.

— Я — боевой маг, — гордо выдохнул старичок и тут же болезненно ойкнул и прикрыл рот ладошкой — ладья дала неожиданный крен и подскочила на крутой волне.

— Мы тонем?.. — слабо простонал он. — Наконец-то...

⁶ Каждому свое.

Но лукоморцы не успели ответить или высказать свои предположения: под тент заглянул капитан «Стерегущей» Антип Соленый и почтительно обратился к дочери своего монарха:

– Мы изменили курс. Переночуем на Торговом острове, ваше высочество... ваши высочества... ваше премудрие тоже... А с утречка продолжим путь.

– На... острове? – приоткрыл глаза, оживился и ожила чародей при звуке волшебного сухопутного слова, даже пропустив «тоже», ставшее бы еще день назад непростительным.

– Торговый? – заинтересовался названием ближайшего клочка суши Иванушка и с любопытством взглянул на капитана. – Там идет торговля?

– Торговля? – не понял поначалу вопроса мужа лесогорской царевны Антип. – Какая торго... А-а, торговля!.. Нет, конечно не идет. Ушла вся. Но старые люди бают, будто давным-давно три-четыре раза в год на этом острове собирались купцы сесланские, наши, отряжские, лукоморские и прочие, какие хотели, и обменивались товарами, новостями – всем, что находило спрос.

– Даже отряжские? – не поверил ушам царевич.

– Ну да. И они, видать, когда-то людьми нормальными были. Если старикам верить, – криво усмехнулся Антип.

– А сейчас почему же?..

Капитан презрительно пожал плечами.

– Сейчас, я так мозгую, отряги порешили, что они самые умные, потому что зачем платить, если можно отобрать. Ненавижу стервятников...

Корабль подкинуло на крутой волне.

Маг страдальчески охнул, схватился за давно опустевший, но не ставший от этого более говорчивым желудок, и забеспокоился.

– А дотемна... доберемся ли?

– А куда денемся, ваше премудрие. Мимо не пронесет – доберемся, – лукаво подмигнул волшебнику Соленый и отправился на нос исполнять нелегкие капитанские обязанности – стоять с важным видом, листать карты и глядеть в подзорную трубу.

На Торговом они оказались не первыми постояльцами – лесогорский караван из трех ладей, четырьмя днями ранее вышедший из Нагойны, края оленеводов и охотников на моржей, уже расположился в удобной мелкой бухточке на востоке островка.

Все три капитана оказались старыми приятелями Антипа. Команды торговцев и «Стерегущей» быстро перезнакомились под рюмку «нагойновского чая» с устатку, закусывая экзотической копченой моржатиной, вяленым китовым мясом и квашеной морошкой: от близости дома и удачной торговли лесогорские коммерсанты и их матросы становились щедрыми, веселыми и беззаботными.

Наевшись за весь прошедший трудовой день,⁷ Серафимины соотечественники расположились вокруг костров – кто поспать, а кто – послушать диковинные были и небыли речистых купцов о далеких странах.⁸

Ночь прошла и кончилась незаметно. Утром лесогорское землячество продрало залипшие очи с первыми лучами такого же солнца, быстро смело холодные остатки ужина, запивая кипятком, похлопало друг друга по спинам, желая счастливого пути, и разбежалось по своим ладьям.

Четыре белых паруса с зеленою Лесогорской горой взмыли почти одновременно и, наполнившись холодным утренним ветром, понесли моряков: кого к долгожданному дому, а кого – в чужие нерадостные земли.

⁷ А заодно и за следующий – авансом.

⁸ В каких далеких странах купцы были, про те рассказывали были. В каких не были...

Иванушка, всё еще под впечатлением от ночных историй о дальних странствиях, задумчиво стоял на корме и рассеянно глядел на волны. Хмурые белесые брови, он удивлялся, как за время пребывания в Мюхенвальде он умудрился не заметить мощенных золотыми слитками площадей, в Шатт-аль-Шейхе – коньков-горбунков, питающихся исключительно песком, смешанным с иголками, в Зиккуре – ходячие деревья, исчезающие в полдень и появляющиеся в полночь, в Стелле – гонки огненных колесниц, запряженных медными драконами...

Вообще-то, судя по повествованиям говорливых бизнесменов, кроме этого он ухитрился пропустить еще не менее сотни увлекательнейших вещей и явлений, но первое поразило его воображение больше всего.

Кому, интересно, в Вондерланде могло прийти в голову мостить площади золотом, рассеяно моргая под напором упругого ветра, раздумывал он. Это ведь чрезвычайно непрактично! Такой мостовой не хватило бы и на день! Ведь всем известно, что золото – очень мягкий металл, изнашивался бы моментом...

Вдалеке три лесогорские ладьи, размером уже с игрушечные, набрав полные паруса ветра и подпрыгивая на веселых волнах, спешили-торопились к родному берегу.

Почувствовав скользящий толчок в плечо, царевич оторвался от размышлений и с беспильным состраданием поглядел на пристроившегося рядом мага-хранителя. Лицо его было цвета лежалого семенного огурца, борода всклокочена, руки дрожали, глаза остановились в выражении мученической безысходности. С видом самоубийцы-рецидивиста он перегнулся через борт и принял расставаться с опрометчиво съеденным спозаранку завтраком.

Может, стоит всё же рискнуть и проделать остаток пути в комфорте на Масдае? Без сомнения, страдания Адалета не могли оставить равнодушным даже ворчливый ковер, и если с ним поговорить, то может, он согласился бы... Ведь бури, вроде, больше пока не ожидается?

Иванушка приставил ко лбу ладонь козырьком и окинул внимательным взором горизонт в поисках подтверждения своего прогноза погоды.

Подозрительных облачков и впрямь нигде не наблюдалось. Но зато он заметил, что с запада в направлении лесогорских коммерсантов резво несутся еще невесть откуда взявшиеся три корабля.

Тоже купцы? Лесогорские?

Не думал, что в этом районе Ледяного моря так много торговых караванов. Приятно, наверное, встретить земляков в самый неожиданный момент. Сейчас их знакомые лесогорцы спустят паруса, подождут друзей, и начнут обмениваться приветами, новостями, каталогами, прайс-листами...

Иван смахнул рукавом нагнанные ветром слезы, прищурился и удивленно моргнул. Всё-таки любопытные в море оптическое законы: сколько незнакомцы купцов не нагоняют, а расстояние между ними почти не сокращается. Словно вместо того, чтобы подождать коллег, лесогорцы изо всех сил стараются от них уйти.

Сердце Иванушки совершило сальто-мортале и попыталось выскочить через горло.

Они пытаются от них уйти?!

Но это значит, что...

– Отряги!!! Отряги преследуют ваших купцов!!!..

На мгновение звенящая стрелами и сталью тишина повисла над кораблем, и тут же взорвалась какофонией криков и команд.

– Тревога!!!

– Рулевой – курс на юг!!!..

– Гребцы – на весла!!!..

– Дружина – к оружию!!!..

– Полный вперед!!!..

Иван еле успел ухватить за долгополый кафтан чародея, чтобы всемогущая сила инерции не выбросила его за борт, и «Стерегущая», отчаянно скрипя всеми ребрами, досками и уключинаами, принялась разворачиваться.

Сенька, неласково выдернутая из неги утреннего сна на свежем воздухе, выскоцила из-под тента и кинулась к супругу – меч и метательный нож готовы к боевым действиям.

– Где?.. – сквозь стиснутые зубы свирепо выдохнула она.

– Вон там! – ткнул пальцем Иванушка в гонку с преследованием на горизонте и болезненно охнул. Дистанция между охотниками и жертвой, даже с учетом диковинных законов морской оптики, заметно сократилась.

Серафима страдальчески замычала, словно враз заболели все зубы. Не надо было быть великим мореходом или геометром, чтобы понять простую истину, открывшуюся им с первого взгляда на изменившуюся ситуацию: на помощь «Стерегущая» не успевала никак.

– Масдай!!! – подскочила вдруг Сенька и, ухватив мужа за рукав и едва не повалив его под ноги рулевому, рванула к зачехленному в брезент ковру. – Помоги достать!!!.. Я... ни одной паршивой шушере... не позволю... убивать и грабить... моих подданных!!!

Через полминуты лукоморцы и два десятка дружинников заняли места на расстеленном Масдае. В последнюю секунду царевна углядела на дне среди рассыпавшихся тюков с припасами и затащила на ковер мага-хранителя. Вцепившись в посох будто в последнюю на Белом Свете точку опоры, старик тонко постанывал в такт качке и не подавал признаков разумной жизни.

– Сень, может, не надо?.. – начал было Иванушка, но закончить у него шансов не было.

– Лети стрелой к тем кораблям!!! – проорала Серафима, и десантники, взмахнув мечами, ножами, луками и кулаками, и лишь чудом никого не убив и не поранив, повалились друг на друга как оловянные солдатики: в некоторые моменты ковер мог воспринимать приказы очень буквально.

Когда они, наконец, разобрались, где чьи руки, ноги, оружие и прочая анатомия, Масдай был уже почти на полути к купцам.

– На отрягов ориентируйся, может, перехватить успеем!!!.. – крикнула ему царевна, и послушное воздушное судно тут же подкорректировало курс и угрюмо сообщило:

– Не успеем. Меня ветром сносит. А им он попутный. Несутся, как наскакидаренные. А мы такими темпами, в лучшем случае, к шапочному разбору прилетим.

Сенькарыкнула, хотела сказать, что разбирать там будут отнюдь не шапки, но ее опередил Адалет.

– Я... попытаюсь... что-нибудь сделать... – всё еще не открывая полностью глаз, мужественно выдавил он. – Сейчас... посох заряжу...

– Сменить ветер!

– Продырявить им паруса!

– Обломать весла!

– Потопить их к якорному бабаю!

Последнее предложение было принято со всеобщим одобрением, и десятки горящих в предвкушении легкого триумфа глаз уставились на чародея.

Тот задумался на несколько мгновений, затем медленно поднял посох горизонтально – сначала одной рукой, потом, едва не упустив его в море – двумя – и стал нацеливать свое оружие мрачно вспыхнувшим темно-красным светом набалдашником на головной каррак в километре от них.

До ближайшей купеческой ладьи разбойникам оставалось не более двухсот невероятно быстро сокращающихся метров.

Серафима поморщилась.

В ослабевших дланях мага символ его мощи сыпал трескучими искрами-помехами и выписывал восьмерки, бантинки, домики, цветочки и прочие замысловатые фигуры.

– Сейчас, сейчас... Сейчас...

Старик пробормотал короткое заклинание, буркнул под нос волшебный ключ: «Тамам!», и из набалдашника вылетела и ударила в изумленно вскипевшую волну метрах в сорока от цели жгучая струя алого света.

Ратники испустили коллективно-разочарованное «у-у-у-у» – словно ветер в трубе прошёл.

– М-маневрирует... Прицел надо сменить... – оправдываясь, пожал плечами маг, опустил посох, наморщил лоб, сунул руку в карман, спешно выудил записную книжку и карандаш и углубился в торопливые вычисления. – Значит, так... угол падения равен углу отражения... поправка на девиацию... интерференция... дифракция... гармоники срезаются... корень седьмой степени... скорость таум-частиц в кубе деленная на скорость ветра в источнике... диффузионные возмущения... умножаем...

– Ваше премудрие!!! – едва не подпрыгивая от нетерпения, дернул его за рукав Иван. – Они их почти догна...

– Есть!!! – радостно воскликнул чародей, сунул блокнот в карман привычным жестом⁹ и схватился освободившейся рукой за посох. – Сейчас мы им устроим морскую прогулку... к бабаю...

Головной каррак мчался по волнам вслед за выдыхающимся купцом уже метрах в двадцати от них.

– Сейчас мы им устроим...

Острый взгляд царевны неожиданно наткнулся на единственного отряга, не занятого веслами и оружием.

Голова его была задрана вверх.

Руки тоже.

– Сдается, что ли?.. – непонимающе свела к переносице брови она.

И тут в глаза ей и всей лесогорской рати ударила ослепительная вспышка. Из пальцев загадочного отряга вырвались двойные молнии и с оглушительным треском устремились к Масдаю.

– А-а-а-а-а-а!!!!!!..

Как ковер успел среагировать и сделать мертвую петлю сразу в трех плоскостях – не понял даже он сам.

У остальных временем для понимания не было тем более.

Иван в последнюю секунду умудрился ухватиться за кисти Масдая и руку Адалета.

Всё принадлежащее Адалету и расположенное ниже задранной вверх руки, нырнуло за край ковра.

Сенька мертвой хваткой вцепилась в Ивана и в посох.

Успевшие схватиться только друг за друга или за воздух ратники в полном вооружении с диким ревом посыпались вниз...

Прямо в подоспевший второй каррак.

Сбивая приготовившихся к абордажу воинов и налегающих как проклятые души на весла гребцов, десант из двух десятков очень испуганных дружинников в мгновение ока оказался в полном составе на отряжском корабле.

– А-а-а-а-а-а!!!!!!..

Всем известно, что лесогорские дружинники обладают одним чрезвычайно полезным свойством. Чем сильнее их кто-то пугает, тем больше они пугаются. А чем больше они пуга-

⁹ Мимо.

ются, тем хуже пугающему приходится. Угол падения равен углу отражения, как выразил бы этот закон маг-хранитель. И в полном соответствии с научно сформулированным законом на втором карраке через мгновение после приземления обоянных ужасом лесогорцев разразился конец света в локальном масштабе, разверзлась твердь корабельная и хляби небесные, и прибитые позже позавидовали зашибленным раныше.

Третий каррак – самый большой – заполоскал парус и спутал, ломая, весла, в попытке избежать столкновения с остановившимся вдруг впереди собратом, но оставшихся на ковре мстителей это не порадовало.

Они этого просто не увидели.

Потому что первый пират несся вперед, на абордаж, не сбавляя хода.

И, не сбавляя хода, колдун на нем посыпал в извращающегося в высшем пилотаже Масдая молнию за молнией.

Тот метался, уворачивался, не зависая в одном положении ни на миг, и одуревшие, потерявшие всякое представление о том, где находится верх, где низ, а где они сами, пассажиры обнаруживали себя то посредине ковра, то под его брюхом, то дружно свисающими с кистей.

Парус, волны, небо, пена, солнце, чайки, блики, мачта, весла, кисти мелькали как во взбесившемся калейдоскопе мимо фонтанирующей проклятиями Сеньки, молча скрипящего зубами Иванушки и охающего при каждой бочке Адалета, и, казалось, не будет этому конца и края...

Как вдруг Сенька обнаружила себя нос к носу с оскаленной драконьей пастью.

Инстинкт самозащиты сработал мгновенно. Годы общения с Ярославной вдруг вспыхнули и выкристализовались в одно, недавно напомненное слово.

– Тамам!!! – не соображая, что делает, проорала она.

Набалдашник зажатого подмышкой посоха моментально выстрелил красным, и резная носовая фигура каррака разлетелась в разные стороны на мелкие алеинские цветочки. Иванушка охнулся, Адалет – для разнообразия – ахнулся, гребцы сбились с ритма, разбойники вздрогнули... И над секундной всеобщей конфузией и замешательством раскатилось громкое и торжествующее Сенькино «АГА!!!».

Так в эту игру могут играть двое?! Ну, держись, шептун недорезанный...

– Масдай, заходи на цель!!! – звонкий веселый Сенькин возглас вернул всех в чувство, но сопротивляясь, умолять и даже давать советы было поздно.

Репертуар отряжского колдуна был смертоносен, но однообразен. Спектр заклинаний, вылетающих из посоха Адалета под Серафиминным руководством, был в сущности своей безобиден, но многолик.

– Тамам!!! – и весла гребцов с правого борта обвисли, как сплетенные из веревок.

– Тамам!!! – и из бочек с солониной повалили густые клубы оранжевого дыма с убойным ароматом нашатыря.

– Тамам!!! – и наполненный ветром парус превратился в самое огромное полотнище марли на Белом Свете.

– Тамам!!! – и кольчуги отрягов рассыпались на полчища раскаленных железных мурывьев.

– Тамам!!! – и крепкие ранее доски обшивки неожиданно хрустнули под тяжестью веселевого борта.

А через пару минут обескураженные, задыхающиеся и беспрестанно чешущиеся разбойники поняли, почему их предки мудро выбрали для постройки кораблей дерево и пренебрегли сухарями.

– Тамам!!! – выкрикнула на прощанье быстро погружающемуся в темно-синие волны пирату разошедшаяся не на шутку народная мстительница.

Из набалдашника вырвалась тонкая струйка дыма, сопровождающаяся одинокой синей искоркой и тихим меланхоличным свистом.

Заряд кончился.

Можно было выравниваться, вытаскиваться и заниматься третьим карраком.

Как бы ни надеялся в глубине души Иванушка, третий каррак ни бежать, ни сдаваться не торопился. Бросив преследование оторвавшихся километра на два купцов, оставшийся пират, ломая свои и своей цели весла, взял на абордаж захваченное дружинниками судно, прицепившись намертво к его корме, и теперь на борту лесогорского трофея кипела битва.

Иван встревоженно глянул вниз: через сцепленные крючьями борта с нечленораздельными воплями, расталкивая и роняя друг друга, напролом и наобум лезли разъяренные отряги. Лесогорцы сражались как львы. Но львы, усталые и раненные, не могут противостоять натиску второе превосходящих их по численности гиен.

Отряжская орда с дикими безумными глазами уже отвоевала половину каррака. Лесогорцы сопротивлялись, огрызались, отбивались, падали и медленно отступали к носу.

Иван коротко оглянулся на супругу. Она, отложив в сторону посох, годный сейчас разве только в качестве длинной, но не очень прочной палки, переключила внимание на его хозяина и пыталась привести того в чувство.

– Адалет?.. – склонилась, опустившись на колено, и тревожно вопрошала она. – Адалет?.. Ты меня слышишь? Ты меня видишь? Сколько пальцев я тебе показываю? И каких?..

Старик охал, кряхтел, мужественно пытался подняться, но не мог ни заставить слушаться свои конечности, ни сфокусировать на предлагаемом пальце глаза после десяти минут трюков, от которых отказался бы и лет девятьсот восемьдесят назад.

– Ты старайся, Сень, а я пошел, – сурово выдохнул Иванушка, взял наизготовку свой черный меч и подготовился к прыжку.

– Ты куда?! Стой! – мгновенно позабыв про чародея, царевна вскочила и бросила оценивающий взгляд на быстро приближающееся морское поле неравного боя.

– Ты остаешься здесь! – не терпящим возражение тоном приказал Иван.

– Сколько пальцев я тебе показываю и каких? – ехидно огрызнулась царевна, выхватила свой собственный меч...

И тут звон стали и крики сражающихся прорезал хриплый шерстяной голос:

– Валите мачту!!! На них!!!

– Зачем?.. – опешил Иван.

Сенька ухватилась за идею моментально.

– Встань туда, срубиши им мачту!!! – выкрикнула она, толкнула супруга на правый передний край ковра, а сама рванулась к правому заднему углу.

– А я подтолкну!!!

– Мач?.. Руб?.. Сейчас!!!.. – дошла простота гениальной идеи мохерового интеллекта и до царевича. Он без дальнейших дискуссий бросился на живот – рука с волшебным мечом наготове и ищет цель.

– Держи-и-и-ите-е-е-есь!!!.. Па-а-а-анеслась душа в ра-а-а-а-ай!!!.. – азартно проорал Масдай – словно пальто на ватине разорвали – и отчаянно спикировал прямо на головы дерущимся, роняя их на дно каррака без разбора, свой или чужой.

Взмах Иванова меча, яростный толчок Серафимы – и мачта, срубленная под самый корешок, всей длиной и тяжестью повалилась на отряжскую половину корабля, накрывая не успевших ничего сообразить пиратов огромным брезентовым полотнищем паруса.

Уцелевшие дружинники взорвались радостными воплями.

Наши победили.

Конец операции «Перехват» был прост.

Адалет, пришедший в себя от страха во время пике, которое принял за начало нового авиаашоу, одной рукой схватился за посох,¹⁰ сердито взмахнул другой, и половина корабля, оккупированная тупо и беспомощно барахтающимися под парусиной морскими разбойниками, занялась ядовитым зеленым светом.

Поползновения грабителей высвободиться постепенно улеглись.¹¹

Еще один рубящий взмах пухлой, дрожащей от негодования ручки – и зеленым засветился и третий каррак с оставшимися на нем гребцами.

– Что с ними? – тревожно нахмурился Иванушка, разглядывая безжизненно осевших на скамьях отрягов.

– Спят, – хихикнул волшебник, и к удивлению своему вспомнил, что в последние полтора дня не мог сотворить ни одно заклинание, чтобы не вспомнить добрым тихим словом всю еду, потребленную за тысячу лет. – Вот уж правду говорят – клин клином вышибают!

Но посерезневший еще более царевич не обратил внимания на лирическое отступление вновь почувствовавшего вкус жизни мага.

– И что с ними теперь будет? – не пожелал сменить он тему.

– Повесят, – сначала угрюмо предрекла царевна, но через секунду передумала.

– Нет, не повесят. За борт бросят. Так практичнее.

– Да ты что, Сень! Так же нельзя! – возмущенно вскинулся Иванушка.

– Это почему же нельзя, муж мой разлюбезный? – кинула меч в ножны и уперла руки в боки Серафима. – Они нас грабят, убивают, жгут, а мы им что – в ножки за это им должны кланяться? По голове гладить? Жалованье платить? Ты еще предложи их до дому довезти и извиниться!

– Нет, Сеня, ты меня не поняла. Не надо их по голове. И извиняться не надо. Вы просто возьмете их в плен, вот и всё.

– Их?!.. В плен?!.. Да на кой пень они нам сдались?! – забыла протестовать и искренне удивилась царевна.

– Во-первых, казнить пленных – негуманно... – принялся объяснять свою позицию Иван, косясь на выживших лесогорцев, кидающих на противника кровожадные взоры в ожидании окончания законоведческой дискуссии.

– Это ты им расскажи!!! – взбеленилась Серафима, в памяти которой еще свежи были рассказы синьгородцев о весенних набегах этого года и прошлых, и ожесточенно ткнула пальцем в застывших в зачарованном сне пиратов.

– ...А особенно находящихся в заведомо беспомощном положении, – упрямо закончил Иванушка и недвусмысленно покосился на дружинников.

Те смущились, и мечи да топоры за спины попрятали.

Но не отступили.

– А, во-вторых, – не отступил и царевич, – общеизвестно, что данные индивидуумы и прочие их соотечественники своими действиями неоднократно наносили вам тяжелый моральный и материальный ущерб, а в соответствии с лукоморским законодательством это значит, что они же должны его отработать, и...

– Отработать?! Они?! – Серафима пропустила мимо ушей гуманитарную и юридическую подоплеку и уцепилась за единственное слово, поразившее ее до глубины ее лесогорской души. – Ты можешь представить их работающими? Да чтоб мне пусто было – они сами не могут представить себя работающими! Придется потратить десять лет только на то, чтобы объяснить

¹⁰ Чтобы не потерять.

¹¹ Вместе с отрягами – на дно каррака.

им, что такое лопата, и еще лет тридцать – чтобы вдолбить¹² теорию ее применения в полевых условиях!!!

– Если вы объясните им, что у них есть выбор – висеть или копать, я полагаю, они очень быстро попытаются представить себя работающими, – вмешался во внутреннюю политику Лесогорья Масдай. – Хотя я лично предпочел бы первое. И горячую печку в придачу.

– Да их же еще и охранять целыми днями придется, кормить, поить, селить куда-то!... – пропустила мимо ушей намек шерстяного друга и снова бросилась в спор с головой Сенька.

– Цель плена – отыграться на агрессоре, какие бы при этом неудобства ни испытывала пострадавшая сторона, – поучительно заметил маг-хранитель, важно подняв пухлый указательный палец к безоблачному небу. – А иначе и впрямь, зачем тратить столько сил на их охрану, кормежку и прочие удовольствия?

– М-да?.. Хм... – заинтересованная, к тихому отчаянию Иванушки, чародеевской концепцией сведения счетов с разбойниками, а не его призывом к человеколюбию, сдалась царевна. – Но как мы их в этот плен повезем? Их же тут раза в три больше, чем нас.

– Я наложу на них одно простенькое заклятье... – сплел короткие пухлые пальцы в замок Адалет и обвел всех взглядом с таким видом, словно уточнял: «Простенькое только для меня, конечно.»

– И что? – Серафима с подозрением покосилась сначала на отрягов, потом на воодушевившегося собственной идеей волшебника.

– Пока они не окажутся на берегу и под замком – не проснутся, – пояснил старик и, не дожидаясь одобрения, с энтузиазмом принялся за работу, словно наверстывая потерянные по вине морской болезни полтора дня.

Как и ожидали застывшие в предвкушении нового чуда дружинники, наложение обещанных чар сопровождалось множеством разноцветных вспышек, вихрящихся искр, бегающих огоньков, и даже одним ударом грома. Но, как лесогорцы ни всматривались – и прищуриваясь, и приседая, и выгибая шею на зависть любому лебедю – по окончании светопредставления видимых результатов не появилось.

Не слишком полагаясь на невидимые, Сенька переглянулась с капитаном, прикинувшись, будто не замечает шокированного взгляда супруга, и спящие пленники были крепко повязаны,¹³ после чего без особых церемоний стали перегружаться на подоспевшую «Стерегущую».

Надувшийся на весь мир, оскорбленный в лучших чувствах и побуждениях, маг стоял на корме, пальцами выступив на руле забытый лет пятьсот назад марш забытой лет семьсот назад державы и недовольно созерцая погрузочно-разгрузочные работы, когда за спиной его прозвучали и стихли на почтительном расстоянии чьи-то шаги.

¹² При помощи той же самой лопаты, имела она в виду.

¹³ К глубочайшей обиде чародея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.